

Задержание Алексея Белозерова / Фото: Константин Шамшура

25.07.2018, 17:20 Санкт-Петербург

свой опыт

«Наблюдатель в поле»: задержание и арест волонтера питерской правозащитной инициативы

В Санкт-Петербурге есть волонтерская инициатива Группа помощи задержанным (ГПЗ) — ее участники помогают участникам политических акций, попавшим в полицию. 5 мая 2018 года участник ГПЗ Алексей Белозеров сам оказался в автозаке, а потом и в спецприемнике, из-за того, что хотел сообщить задержанным телефоны юристов и правозащитников. Его рассказ записала для ОВД-Инфо Мария Балацкая.

ГПЗ

Я закончил Смольный институт свободных искусств и наук СПбГУ и с тех пор занимаюсь свободными искусствами и науками. Работал выпускающим редактором в журнале «Сеанс» — «журнале о кино и о времени». Сейчас работаю видеомонтажером в CSCenter — образовательном проекте JetBrains и Яндекса, еще — в Stepik, открытой образовательной платформе.

Пятого мая была акция «Он нам не царь». Он — это Владимир Путин, разумеется. 7 мая состоялась его инаугурация в качестве Президента РФ — уже четвертая. Я был на митинге на Болотной площади перед третьей — 6 мая 2012 года. Тогда это обернулось масштабным полицейским насилием, и тогда же моя жизнь поделилась на «до» и «после». Так что пятого мая я просто не мог не пойти.

Для участия в митингах я слишком «ироничный». Завидую тем, кто идет, берет флаг, что-то кричит, строит баррикады, дерется с ОМОНОм — но я так не могу, не умею пока, надеюсь когда-нибудь научиться. А пока мне нужна какая-то отмазка, что ли — дистанция. Чтобы было не так страшно. Шестого мая 2012 года я был с камерой, снимал для газеты «Бумага». А в этот раз пошел как правозащитник.

В Петербурге есть Группа помощи задержанным, ГПЗ, она появилась еще в 2011-м, когда начались первые протесты после думских выборов и, соответственно, первые задержания. Потом возникла Санкт-Петербургская открытая школа прав человека. Во многом за счет ее выпускников ГПЗ расширилась и стала не просто передачи носить, а еще и оказывать юридическую помощь: объяснять людям, как вести себя в отделе полиции, как защитить свои права; выступать в качестве защитников в суде. Во время разных акций работает горячая линия (запиши телефон: + 7 (812) 987-82-31), кто-то выезжает в отдел полиции, в суд.

Есть такая роль — «наблюдатель в поле»: берешь с собой бумажки, на которых вкратце написано, что делать задержанным, куда звонить, что говорить ментам, как вести себя в суде, бланки ходатайств и жалоб... Если видишь, что кого-то задерживают, или вот-вот задержат, или прямо по лицу человека видно, что его точно сегодня задержат, то вручаешь эту раздатку — и вроде бы оказываешь юридическую помощь. Этим я и занимался пятого числа.

Я шел вместе с митингующими. Идешь и озираешься, смотришь, откуда менты появятся. Сначала по одному задерживали. Выхватят человека из толпы, ведут, заломив руки, а ты за ним бежишь, пытаешься, если у него рука свободна, отдать бумажку. Одному парню, которого менты вели, я в задний карман джинсов раздатку положил, он испугался, упал на землю, кричит: «Мне что-то подкинули в задний карман! Это не я!» Я ему: «Расслабься, это памятка задержанным». Такая работа. А если видишь автобус, в который запикивают людей, то можно постараться закинуть комплект документов через форточку, чтоб всем в автобусе было что почитать про свои права. И мы искали автобусы, не могли найти, протискивались через толпу...

Напротив улицы Марата менты уже выстраивались в цепочки, выдавливали людей назад, не пуская к Московскому вокзалу. Помните **фотографию** эту, где парень дорожным знаком закрывается, а на него наступают менты. Так вот, шла цепочка ОМОНа, они оттесняли каких-то людей и этого парня в том числе, я побежал рефлекторно на выручку (чем бы я, спрашивается, мог их выручить?). Пока я бежал, парень упал, они на него наступили, перешагнули через него, и я оказался один лицом к лицу с этой шеренгой.

А потом мы ушли с Марата назад, и уже у Гостинки я увидел автобус — ура, задержанные. Я подошел

к автобусу, что-то жестами стал показывать, «откройте форточку», «возьмите раздатки» — не понимают. Приложил к стеклу лист: «записывайте телефоны». Поняли, стали записывать. А дальше было быстро. Я услышал крик напарницы и понял, что лежу на асфальте, а вокруг «космонавты». В общем, один выбежал слева и дубинкой мне дал по ногам — не очень больно, но эффективно: сразу падаешь, а еще десять — справа... Я их даже не видел, стоял-то лицом к автобусу. Протащили по асфальту и запихнули в этот самый автобус. То есть я оказался среди людей, которым хотел помочь.

Адреналин есть, когда в оцепление попал, или бегаешь от ментов, или еще что. Когда в автобусе сидишь, все спокойно. Митинг продолжается, а тебе, по нашим инструкциям, нужно выяснить, как зовут тех, кто сидит в автобусе, взять у них телефоны, чтобы никто не потерялся. Первая задача — познакомиться, преодолеть естественное недоверие, постараться сделать так, чтобы твои советы услышали. Поэтому не до эмоций.

Алексей Белозеров в комнате свиданий спецприемника / Фото предоставлено Белозеровым

ПОЛИЦИЯ

Я думаю, меня задержали без особой причины. Ткнули пальцем просто: «вон этого бери» — и всё. Как я понимаю, когда из толпы выхватывают, задерживают произвольно, за кого глаз зацепится... и по рации проще сказать: «вон того с флагом», «вон того в красной шапке». Есть особая примета — могут задержать. Я стоял один, делал что-то подозрительное, вот меня и задержали.

Меня привезли в 15-й отдел полиции, с еще несколькими людьми отделили от остальных задержанных, поместили в пресловутый «обезьянник». Потом составляли протокол. Завели в комнату, там сидят двое понятых и два

сотрудника полиции: один пишет протокол, другой тебя обыскивает. Цепочку снять, шнурки вынуть, ботинки снять. Полицейский говорит: «Снимай штаны». Я говорю: «Не буду». Он говорит: «Снимай». Я говорю: «Можете с меня сами снимать что хотите, помогать я вам не стану». Они уговаривали: «Что ты стесняешься, на пляж-то ведь ходишь?», «Да нам просто телесные повреждения зафиксировать». В итоге не стали меня раздевать, хотя грозились.

Далее — камера административного задержания. Это такая бетонная клетка, свет какой-то горит условный. Бетонный пол, крашеные стены, грязь, блевотина засохшая в углу, по одной из стен скамейка — две досочки, можно прилечь, если не шевелиться особо. Я прилег на скамеечку и понял, что-то не так: кисти рук и лицо чешутся, горят — нехорошо. Сначала подумал, может, это из-за стресса, но через какое-то время понял, что меня натурально кто-то жрет. Стал приглядываться — и вот на этой белой простыне, которую я как-то под себя подстелил, увидел, как прямо такие красные капли крови ползают: насосавшиеся клопы. Мы стали изучать эти две досочки. А там этих клопов...

И пришлось с тех досочек замечательных слезть, отодвинуться к противоположной стене, туда, где блевотина засохшая, и на бетонном полу, как-то скорчившись, спать. Туда клопы тоже доползали, но менее охотно. Еще там были какие-то насекомые неуставленной формы, похожие то ли на вшей, то ли на клещей, но слишком большие для тех и других (хотя я не специалист, конечно). В общем, мы убедили друг друга, что вши не могут быть такого размера, и как-то успокоились. В какой-то момент я открываю глаза, а передо мной ноги соседа. И я вижу, что у него по штанине ползет это насекомое, медленно, как в фильме ужасов, доползает до края и заворачивает внутрь...

Мы сказали сотрудникам, естественно, что клопы. Но им-то что. У одного из товарищей была аллергическая астма, и он почувствовал, что будет приступ: пыль, никакой вентиляции... Тем временем к кому-то из задержанных приехала «скорая», и мы тоже стали кричать: «Врача, врача». Врач пришел и сказал: «Это у вас на нервной почве. Не нервничайте, и все пройдет», — и уехал.

До суда утром из 36 человек доехало 9. Остальных ночь промурыжили и отпустили под честное слово, под подписку. Они берут подпись под бумажкой типа «Обязуюсь явиться в судебное заседание, когда меня позовут». И дают еще одну, не имеющую никакой юридической силы, мол, «рассмотрение дела тогда-то и тогда-то». Ну, ты эту бумажку потом выкидываешь и ждешь настоящую повестку. Но мы ведь такие — испытываем уважение к бумажкам.

Алексей Белозеров в спецприемнике ГУ МВД по СПб и ЛО / Фото предоставлено Екатериной Косаревской

СПЕЦПРИЕМНИК

Потом нас повезли в спецприемник. Камеры все двухместные. В спецприемнике сидят два типа людей: ребята с митингов и пьяные водители. В камеру помещают, группируя по статье: политических с политическими и, поскольку в камере можно курить, то некурящих с некурящими. Пьяные водители обычно курящие.

В камере не просто грязно, а супергрязно. Все покрыто слоем грязи, стены замызганные, обшарпанные, сантехника потеряла белый цвет давно, окно тоже загажено, там голуби прилетают. Душ — самое чистое место во всем спецприемнике. Ходят в душ вшестером (но мне пару раз повезло, и я ходил один). Кабинок, конечно, нет, три лейки с одной стороны, три с другой. Душ — при заселении и по субботам. Для людей,

привыкших ходить в душ два раза в день, тяжело. Но даже им, я уверен, в спецприемнике будет проще. Все очень грязное, и тебе не очень надо быть чистым, ты сливаешься со средой.

Раз в день можешь сходить в библиотеку и взять книжку. Там изрядное количество книг типа «Сварог-Волколак-Ведьмак». Изрядное количество советской макулатуры... Все, что я читал за пятнадцать дней, оттуда.

«Выкрикивается лот 49» Пинчона, «Гроздья гнева» Стейнбека, «Шум и ярость» Фолкнера, «Луна жестко стелет» Хайнлайна. С удовольствием впервые прочитал «Улитку на склоне», «Волны гасят ветер» и «Хромую судьбу» Стругацких — все про то, как внутри человечества возникает фактически новый вид: практически наш случай.

Все это было в тюремной библиотеке, но все в жутком бардаке валялось. В какой-то момент я предложил: «Давайте я вам разберу библиотеку, за день-два разберу, как надо». Они говорят: «Ты ж понимаешь, это никто не читает, только вы тут такие пришли, так-то это никому не надо, только книжки портят». Мент говорит: «Вот нам такую книжку хорошую, с такими картинками принесли — „Маленький принц“ — и всю ее испортили, всю изрисовали».

Как я уже говорил, в камерах очень грязно. Отличный способ поднять себе и своему соседу настроение — это там убраться. И делать это можно хоть каждый день. Можно попросить ведро, тряпку и швабру. Я и сантехнику очень хорошо помыл, она стала почти белая, в раковине стало можно стирать даже.

Мне разрешили оставить фитнес-браслет. Когда я в прошлый раз сидел в тюрьме, после семи дней, проведенных в камере, очень расслабленно себя чувствовал: лежишь, то заснешь, то проснешься; проснулся, почитал, опять заснул. И ты выходишь на свободу, проходишь сто метров — и все, тахикардия,

падаешь, дышать нечем. И в этот раз я решил, что буду каждый день проходить по десять тысяч шагов. Начиная с какого-то момента реально ходил по камере: семь шагов туда, семь обратно. Вот сколько-то раз проходишь, и получается десять тысяч. И когда я вышел, такой проблемы уже не было.

Самое плохое — что ты не можешь остаться один. Туалет за загородочкой — неприятно, но тоже терпимо, а вот то, что с момента задержания и до освобождения ты ни секунды не один, — это угнетает. И в прошлый раз, когда я вышел, меня тоже встречали, какое-то количество людей с камерами. Комментарии пытались взять, и я там не наорал ни на кого, но очень был недоволен, — потому что это было как бы продолжение невозможности остаться одному.

А в этот раз я написал бумажку: «Прошу перевести камеру в статус одиночной» — надоумил кто-то из соседей. Последнюю неделю жил один, и мне стало прямо хорошо. Я ходил, сколько хотел, читал, сидел, пел песни тихонечко — сходил с ума, как мог. И когда в этот раз меня встречало очень много друзей, это было очень приятно, я с удовольствием со всеми разговаривал и чувствовал себя хорошо-хорошо.

Хотя многие говорят: «ну как это одному, невозможно, чудовищно». Несколько дней по вечерам из окон в окна перекрикивались через двор какие-то ребята, не знаю, на каком языке; и прямо столько боли было, тоски, когда кто-то кричал кому-то «где ты, где?» (я не знаю языка, но понял), было очевидно, что кому-то ну очень плохо одному сидеть. Мне было клево.

МАЙОР

Пока сидишь, ты в таком специальном состоянии. С одной стороны, ничему не радуешься, но и унывать себе тоже не позволяешь. Такое подвешенное состояние: ты везде временно. Сначала временно в автобусе, потом временно в камере, потом временно в суде, потом временно в спецприемнике. Поэтому очень сложно сказать, какие ты ко всему этому чувства испытываешь. Какие ты чувства испытываешь, когда твой рейс задерживают на сутки? На трое суток? Вот такие примерно и здесь чувства. Ждешь чего-то вполне конкретного — что освободят. И нет объекта, к которому можно испытывать ненависть. Наверно, если сидишь в тюрьме, такие объекты есть. Какой-нибудь там садист-надзиратель или сокамерник, который тебя унижает всячески... А тут — нет.

Массовые репрессии и тоталитарные ужасы начинаются тогда, когда организованная оппозиция уже уничтожена. Пока она есть, занимаются ею. Мирных людей начинают ночью из кровати увозить в неизвестном направлении, когда некому за них вступиться. Есть такая песня у Егора Летова, ее часто вспоминают в связи с мыслью, которую я сейчас излагаю: «Мы лед под ногами майора», про хиппарей и панков: сладкий дым, цветы в волосах, «майор их передушит всех подряд, он идет... но пока мы есть, будет злой гололёд, майор поскользнется, майор упадет, мы лёд под ногами майора». Опять же, я не знаю, что из этого правда, а что из этого — самоутешения и иллюзии, что все не зря, но основные мысли такие.

«Он нам не царь»: акции сторонников Навального 5 мая

За два дня до инаугурации Владимира Путина в ряде городов прошли акции протеста. Участников акции задерживали, штрафовали и арестовывали.

Ещё почитать

03.03.2026 [Санкт-Петербург](#)

Суд признал ЛГБТК+ группу «Выход»
экстремистской организацией